

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕВЕНТАЛИ ИЗ КВАСЕНИНЫ

 подножья Карпатских гор, на полпути между двумя пограничными польскими городами Добромилем и Перемышлем стояло когда-то большое село с необычным названием Квасенина. Село было, как принято теперь говорить, многонациональным: там бок о бок жили, работали, растили детей, собирали урожай, гуляли на свадьбах поляки, украинцы и евреи. И не было между ними ни вражды, ни ненависти.

Одной из еврейских семей, живущей в Квасенине, была семья Левенталей. Как и большинство их односельчан, занимались они скотоводством и земледелием.

Семья жила в большом доме. Половину его занимала корчма, которую держал Леон Левенталь.

Корчма славилась в округе искусно приготовленными блюдами, копчеными колбасами, домашними настойками из сливы и вишни, но особенно посетителям нравилось, когда хозяин играл для них на скрипке. Звуки музыки очаровывали гостей, заставляли на время забывать о каждодневных трудностях и заботах.

Во второй половине дома жил брат Леона Герш со своей семьей. Вместе с женой Миндлей они растили троих детей — дочь Розу и сыновей Шмуля и Мойшу. Жила в доме и мать Леона и Герша — Хана. Она вырастила двенадцать сыновей и одну дочь. Многие из ее детей уехали искать счастья в чужие края — Америку, Аргентину и Палестину, а старая мать осталась в Квасенине с двумя сыновьями.

Герш женился и завел семью. Леону же была предназначена иная судьба. Мечтам, которые были у него в молодости, не суждено было сбыться.

ЛЕОН

Он с детства любил соседскую девочку Матильду. Всех соседей умиляла эта юная пара, особенно, когда Матильда и Леон танцевали, когда он играл на скрипке для своей возлюбленной. Скрипка пела о его любви, о счастье, о радости — обо всем, что было на душе у юноши.

Повзрослев, они часто убегали в чащу лесов, окружавших Квасенину, садились у ручейка, и Леон играл своей суженой все, что она просила. Он целовал ее нежные пальцы, по его телу пробегала дрожь, когда он касался ее волос, ее губ. Он вдыхал запах ее тела, как бальзам, и блаженство охватывало его, когда их губы соприкасались.

— Я пойду к твоему отцу, попрошу, чтобы разрешил нам пожениться. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — выпалил Леон однажды.

В ответ Матильда покраснела и стала гладить Леона по плечу. Они были счастливы, как никто другой. Жизнь казалась им необыкновенно прекрасной. Ели и сосны склоняли свои головы над влюбленными, птицы пели им праздничные песни. Взявшись за руки, они бежали с горы, и ветер играл черными прядями девичьих волос. Подбегая ближе к селу, они сбавили шаг, чтобы избежать осуждающих взглядов односельчан. Матильда шла домой, сияя от счастья.

Войдя к себе в дом, Леон с порога объявил матери:

— Мама, я хочу жениться. Я хочу взять в жены Матильду.

Хана одобрительно кивнула головой:

— Ну что ж, она хорошая девушка. Завтра поговорю с ее отцом.

— Завтра? А почему не сегодня?

— Леон, ты сошел с ума. Так это не делается. Надо соблюдать обычаи.

Леон тихо опустился на стул. Мать взволновал разговор с сыном. Она ходила по комнате, не находя себе места.

Ночь для Леона была бесконечной. Он мечтал, как обнимет и поцелует свою Матильду, насладится запахом ее кожи, замирал от предчувствия близкого счастья, когда она вся будет принадлежать ему.

Казалось, что утро не наступит никогда. Когда, наконец, забрезжил рассвет, Леон вскочил с кровати, быстро оделся и выбежал на улицу. Свежий ветер дунул ему в лицо. Как приятно вставать рано

утром и любоваться горами, укрытыми лесами! Туман поднимался, оставляя бриллиантовые капельки росы на траве. Лучи солнца пробивались сквозь деревья. О, какое чудо, как прекрасна эта земля!

Он вернулся домой, схватил скрипку. Но мать остановила его:

— Леон, я иду доить корову, а ты собираешься играть на скрипке. Что люди подумают?

Он обнял мать и с сожалением положил скрипку на место. Забегав в стойло, где стояли две коровы и теленок, подложил им травы, погладил корову и спросил мать, сидящую на маленьком стульчике возле коровы:

— Мама, когда ты пойдешь к Матильдиным родителям?

— Сегодня пойду. Поговорю с матерью сначала. Ведь женщина понимает женщину лучше, чем мужчина. Я думаю, что препятствий не будет. Ты хороший сын, будешь и хорошим мужем. Построим дом на нашей земле, вот и будете жить.

Леон подпрыгнул от счастья. Да, он будет любить Матильду, он будет хорошим мужем.

День бежал своим чередом. Хана собралась поговорить с Матильдиной матерью в час дня, чтобы не усложнять соседям и себе рабочий день. Надев новую юбку и кофту, заколов волосы, она направилась к дому соседей. Матильда кормила кур, бросая пшеницу на землю, ее мать убирала кухню после обеда, а Хаим, отец девушки, подался к лошади в стойло. Хана поздоровалась с матерью Матильды и завела разговор о хозяйстве, о детях.

Услышав голос Ханы, Хаим вышел из стойла и вежливо спросил:

— Хана, как здоровье? Как дети?

— Спасибо, все у нас хорошо. Но я пришла по очень важному делу.

— Что случилось, Хана?

— Хаим, ты знаешь, у меня есть сын Леон. Он любит твою дочь. Хаим молчал.

— Что же ты молчишь, Хаим? — насторожилась Хана.

Хаим замешкался:

— Да, Хана, я знаю...

— Хаим, Леон просит руки твоей дочери. Ты знаешь, он хороший сын. Будет и хорошим мужем.

Хаим молчал. Покраснев до ушей, он опустил голову и вполголоса пробубнил:

— У твоего сына только скрипка. А что с этой скрипки? Мы очень тяжело работаем, а живем как? Разве я хочу такой жизни для своей дочери? Подумай, Хана, что Леон может дать моей Матильде?

— Опомнись, Хаим, что ты говоришь! Я дам им кусок земли, построим дом, будут жить. Они любят друг друга, Хаим!

— Любовь — это еще не все. Еще надо иметь, с чего жить. Я не хочу, чтобы моя Матильда с курами да коровами жила. Я сосватал ее в Перемышль. В сентябре она выйдет замуж за богатого человека. У него свой магазин. Будет она жить в городе, а не в селе. А любовь пройдет. Все проходит, и это пройдет. Леон найдет себе другую. Так и скажи, Хана, своему сыну. Мы его любим, но мы хотим лучшей доли для нашей дочери.

Хане все стало понятно. С точки зрения родителей в словах отца есть правда: хотят лучшей доли для дочери. Но как объяснить это Леону? Он такой чувствительный и ранимый. Как сказать, что его судьбу решают за него и его любящая мать Хана не в силах изменить это.

С опущенной головой возвратилась Хана домой.

Леон встретил ее на пороге.

— Мама, что ты молчишь? Говори же! — он схватил мать за руки.

— Нечего мне сказать тебе, сынок, нечего. Они хотят отдать Матильду за богатого в Перемышль. Мы слишком бедны для них.

— Не может этого быть... Я не могу поверить в это. Я не верю! Не верю! — крича это, Леон выбежал из дому.

Задыхаясь, он мчался к Матильде. Сердце разрывалось на части, мысли путались. Леон вошел в дом Хаима и застыл на месте: Матильда в слезах стояла на коленях возле отца, мать обнимала ее за плечи, а Хаим с виноватым лицом слушал дочь.

— Матильда, родная моя, дай мне руку, — прошептал Леон. — Дай мне руку.

Упав на колени возле нее, стал целовать ее руки.

— Идем со мной. Мы уедем в Америку или Палестину. Я буду работать. Я люблю тебя. Пойдем со мной, любовь моя. Пойдем.

И тут Хаим словно очнулся:

— На позор толкаешь мою дочь, Леон! Если ты любишь ее, уйди с ее пути. Уйди, Леон!

Как раненый зверь, выполз Леон из дома Хаима. Не хватало воздуха. В глазах потемнело. Птицы перестали петь, солнце перестало светить, все стало мрачным и холодным.

Хана в ужасе смотрела на осунувшегося вмиг сына. Где найти слова, чтобы утешить его? Жизнь нанесла Леону жестокий удар. Как он выживет, кем он станет после этого? Хана тихо взяла скрипку, нежно обняла сына:

— Леон, играй. Играй, мой сын! Это будет твоим лекарством. Играй, мой сын, играй!

Мертвыми руками Леон взял скрипку. Смычком ударил по струнам. Что это? Скрипка зарыдала. Это был голос его страдающего сердца.

Стоны скрипки рвались наружу, становясь все сильнее и сильнее. Никто, кто слушал его, не шевелился, чтобы не спугнуть звуки этой музыки. А скрипка пела и плакала, точно рассказывала всем о разбитом сердце Леона.

Время шло быстро. Матильду давно увезли в Перемышль, а Леон остался в Квасенине играть на скрипке. И в один прекрасный день он решил открыть в своей избе корчму. Ведь изба стояла прямо у дороги. Миндля и Герш готовили разные отвары из трав, фруктов и овощей, а Леон угощал ими посетителей.

Он начал ездить в Перемышль, Самбор и Львов по коммерческим делам и за товаром. Стали появляться деньги. Когда он возвращался, всегда привозил подарки — сладости и безделушки племянникам и матери. Он стал со вкусом одеваться. Леон проявил талант, как бизнесмен, дела шли хорошо. В корчме появлялось все больше и больше посетителей, и справиться одной семье стало невозможно. Хана решила нанять в помощь себе и Миндле украинскую девочку, сироту Маричку, чтобы та пособила по хозяйству.

Часто Хана заводила с сыном разговор о женитьбе, но он твердо отвечал:

— Я жениться не буду никогда. Моя жена — скрипка.

Когда же мать уж очень донимала его этим, он нежно обнимал ее и говорил:

— Мама, я люблю только Матильду. Я не смогу полюбить другую так, как я люблю ее.

Никто не знал, как часто, бывая в Перемышле, Леон стоял под окнами ее дома, стараясь передать ей письмо. И никто не мог знать, как плакала Матильда, получив его послание, как целовала она этот кусочек бумаги. И никакие замки и запоры не могли удержать ее от встреч с Леоном.

Сколько раз Матильда сломя голову убегала из дома, только чтобы еще раз увидеть Леона, замереть в его объятиях. Ни о чем не могла она думать, кроме одного: «Леон... Леон, любовь моя!».

И он горел страстью, был готов ради возлюбленной на все, даже на смерть. Если б она только осмелилась бежать с ним в Америку! Он собрал необходимое количество денег, приготовил все, что нужно для дальнего путешествия. Но она боялась. Особенно боялась позора, который покрыл бы ее семью, ее родителей. Они бы прокляли ее.

Моменты встреч этих двоих были моментами счастья, они просто сгорали в пламени любви. И каждый раз Матильда думала, что умрет от счастья. Леон целовал ее, и при каждой встрече делал это так, словно они видятся в последний раз.

ХАНА

Тем временем бизнес в «придорожном ресторане» кипел. Корчма становилась делом прибыльным. Росло и число посетителей. Вся семья работала очень тяжело. Хана была уже стара. Маричка оказалась не особенно хорошей помощницей, была очень медлительна, но никто в доме не укорял ее за это, полагая, что с опытом придут и умение, и сноровка.

— Ничего, научится — будет лучше помогать, — говорила Хана.

Миндля брала большую часть работы на себя и заставляла Розу помогать Хане.

Однажды утром, встав, как всегда, рано, повязав на голову платок, ополоснув холодной водой из ведра руки, Хана направилась доить корову — так начинался ее рабочий день.

Обычно, проснувшись сама, она поднимала невестку, и они вместе шли доить коров, но в этот день она решила сначала пойти в стойло одна — выпустить кур и гусей (их у них было немало), собрать яйца, подсыпать телятам корм, а уж после позвать Миндлю. Но, к ее удивлению, двери в стойло были приоткрыты.

С улыбкой на губах она входила в стойло, думая, что увидит там свою любимую невестку. Сколько лет они живут вместе, и никогда Миндля не сказала Хане грубого слова, ни в чем не перечила. Была вежлива, обходительна и покорна, а самое главное, что нравилось Хане, была хорошей хозяйкой, любила и уважала своего мужа, растила детей, сохраняя все семейные и религиозные обычаи.

С этой мыслью Хана подходила к стойлу. Но что это? Кто-то стонет. Кто тут может быть? Хана резко открыла двери.

— Кто тут? — спросила она.

В ответ — молчание. Хана вошла внутрь и замерла от неожиданности: Маричка в белой ночной рубашке, затаившись, сидит в углу.

— Что с тобой, Маричка? — тревожно спросила Хана. — Что ты здесь делаешь?

Ответом ей был стон.

Хана подошла ближе и с ужасом обнаружила, что подол Маричкиной рубашки был весь в крови. Хана закричала, схватившись за голову, но, увидев глаза Марички, полные мучительной боли, тут же бросилась ей на помощь.

У старой женщины не хватило сил поднять Маричку, и она побежала в избу за Миндлей. Та выбежала с распущенными волосами, за ней Герш, на ходу одеваясь.

На пороге стойла они замерли: Маричка, вся в крови, корчилась в муках боли на земляном полу. Никто даже подумать не мог, что эта молоденькая девочка, такая тихая и медлительная, вошла в их дом беременной. И сейчас, ничего не говоря, они старались помочь Маричке. Миндля принесла воду, Герш растопил плиту, чтобы нагреть ее. Хана хоть и славилась своими знахарскими навыками в селе и многих детей приняла на этот свет, много рожениц повидала, но в этот раз руки ее тряслись, она очень нервничала.

— Герш, — обратилась она к сыну, — езжай в Добромиль за доктором. Запрягай лошадей да поторопись. Скажи доктору, что заплатим хорошо. Не мешкай, прошу тебя. Дела плохие.

Маричка из-за нечеловеческих мук не замечала ничего вокруг. Её душераздирающие крики болью отзывались в людских сердцах. Соседи прибежали узнать, что случилось. Некоторые кивали, сочувствуя роженице, некоторые злорадно улыбались и уходили. Ребенок рождался в тяжелых материнских муках.

Хана выбежала на дорогу, вглядываясь вдаль, нетерпеливо поджидая доктора. Доктор появился только через два с половиной часа, когда Хана уже держала ребенка на руках. Маричка истекала кровью. Миндля заваривала зелье из трав, которые ей дала Хана.

— Маричка, пей. Это тебе поможет, должно помочь, — шептала она, перевязывая ребенку пуповину.

Она хлопнула его по попе, и он резко закричал. Миндля быстро забрала ребенка, положила в тазик с водой и начала обмывать, а

Хана с доктором наклонились над Маричкой, стараясь остановить кровотечение. Плацента плохо отделялась от матки, кровь текла ручьем, все были в панике. Маричка мертвеющими губами что-то шептала. Хана наклонилась ближе к ней, чтобы расслышать, что она хочет.

— Поднесите ребенка.

Хана взяла маленькое розовое существо и поднесла к Маричкиному лицу:

— Это девочка-красавица, вся в тебя.

В ответ Маричка глянула на Хану невидящими глазами и прошептала:

— Окрестите ее Яринкой.

Она старалась поцеловать ребенка, но силы покидали ее.

— Я хочу священника, исповедываться надо. Я — грешная...

— Нет, ты не грешная!... Миндля, беги за священником, быстро! Доктор, делайте что-нибудь, ведь помирает!

Но доктор только развел руками. Хана отдала ребенка маленькой Розе и попросила ее выйти.

Маричка угасала на глазах. Хана металась по избе, стараясь облегчить ее страдания, но ничто уже не могло помочь несчастной. Держа Хану за руку, она умирала. Её голубые глаза стали стеклянными, а губы — серыми. Священник появился на пороге избы, но Маричка не могла произнести ни слова. Она смотрела остановившимися глазами на Хану и крепко держала ее руку. Священник подошел, заглянул в Маричкины глаза и сказал:

— Она уже не с нами.

— Да, — повторила Хана, — она уже не с нами.

Потом тихо освободила свою руку из Маричкиных рук, легко коснулась ее глаз, чтобы их закрыть, и отошла в угол. Доктор собирал свой инструмент, и голова его была опущена.

— Хана, мы сделали все, что могли. Теперь его очередь, — он показал на священника. — Пошли выйдем на воздух.

Вокруг забора толпились любопытные. Сбежалось почти полсела. Хана посмотрела на зевак, вытерла платком слезы и пошла к бричке доктора. Тот повернулся к ней и повторил:

— Хана, мы сделали все, что могли, все, что было в наших силах. Только Бог знает, почему это должно было случиться. Что ты будешь делать с ребенком, Хана?

— Не знаю. Ведь наша семья — еврейская. А ребенок должен расти в христианской вере. Мать просила окрестить дочку Яринкой. Я должна выполнить ее волю.

Герш протянул деньги доктору за услуги, но тот наотрез отказался от платы. На этом они и расстались.

Похоронили Маричку по всем христианским обычаям. Похороны оплатила Хана. После похорон все, кто только хотел, отправились в корчму на поминки грешной (или не грешной?) души Марички.

Хана ломала себе голову, что делать с ребенком. Покойная Маричка просила окрестить девочку, а это значит, что ее нужно растить в христианском духе. А они — евреи. Смогут ли они исполнить то, что просила Маричка?

Вечером вся семья собралась на совет. Леон приехал в тот вечер домой и, как старший сын Ханы, первым взял слово.

— Мама, я думаю, надо отнести ребенка в церковь, и какая-нибудь христианская семья возьмет его. Смотри, какой красивый ребенок!

Так сказал Леон. Все сидели тихо. За эту неделю Хана привыкла к девочке. Она кормила ее, пеленала, пела ей еврейские колыбельные. Мужа она похоронила давно, молодость и силы покидали ее тоже. Но любовь к жизни и всему живому в ней были еще сильны.

Что же делать? У Миндли и Герша трое своих детей. И работают они все днем и ночью. Девочке Розе нужно собрать приданое, а мальчикам дать образование. Решили, что в воскресенье утром Хана понесет ребенка в церковь и даст священнику, чтобы окрестил его, и может, какая-то христианская душа сжалится и возьмется растить сироту.

Утром Хана и Миндля подоили коров, выкупали ребенка в душистых травах, завернули в ажурные пеленки, которые Леон привез из Перемышля, надели кружевную шапочку и отправились в церковь.

Подойдя к церковной ограде, они остановились. Сердце Ханы громко стучало. Миндля взяла Хану за руку:

— Мама, мы должны это сделать. Я тоже боюсь. Но Маричка просила, и мы должны исполнить ее последнюю просьбу.

— Я понимаю, — тихо ответила Хана, — но я никогда не была тут... А знаешь, что я думаю? Как они к этому отнесутся? Ведь ребенок по их понятиям — байстрюк, незаконный. Что такое законный

или незаконный? Все мы перед Богом равны. Ну ладно, пойдем, посмотрим, что будет.

И Хана переступила порог церкви.

Старая еврейка с ребенком на руках спокойно и уверенно шла к алтарю, где, с удивлением глядя на нее, стоял священник. Десятки любопытных глаз следили за каждым ее шагом. Невестка шла за Ханой, оглядываясь по сторонам.

Громко, отдаваясь эхом, прозвучал голос Ханы под сводами христианской обители:

— Отче! Я принесла ребенка в церковь по просьбе его матери. Мать, царство ей небесное (в этот момент все перекрестились), просила меня перед смертью окрестить ее ребенка Яринкой.

На лице священника появилась облегченная улыбка.

— Да, Хана, это очень благородно с твоей стороны, что ты исполнишь волю умершей.

И громко обратился к прихожанам:

— Прихожане! От нас ушла молодая христианская душа, оставив нам маленькое существо. Мы должны окрестить и принять христианское опекуновство над этим ребенком. Кто хочет быть крестными отцом и матерью девочке?

Под сводами церкви наступила мертвая тишина. Священник повторил вопрос. Но и в этот раз ответа не последовало. Хана пристально смотрела на священника, и от этого взгляда ему стало не по себе. Через минуту она сказала:

— Отче, крестите ребенка!

— Но ты же знаешь, что по закону нужны крестные мать и отец.

— Отче, у девочки нет матери и нет отца. Бог простит вам ваш закон. Крестите ее Яринкой.

И вновь священник обратился к своей пастве: кто хочет быть крестным отцом и крестной матерью? Но ответа вновь не последовало. Только ряды прихожан заметно поредели. Тогда святой отец стал поливать святую воду на голову ребенка, мазать ручки, ножки и животик священным маслом и произносить молитвы, благословляя маленького человека на жизнь.

Когда священник поднял голову, чтобы посмотреть на своих прихожан, то с изумлением обнаружил в церкви всего несколько старых женщин, которые с любопытством поглядывали на двух евреек, державших ребенка у алтаря.

Стыдясь за своих, священник сказал:

— Хана, я прошу прощения за них, но вспомним слова Господа: они не ведают, что творят. Я заберу ребенка и отвезу в Перемышль в монастырь, о нем там позаботятся. А вам большое спасибо за все, что вы сделали для Марички и ее ребенка.

Хана и Миндля стояли перед извиняющимся священником. Хана прижимала к себе малышку, и теплота тельца Яринки разливалась по всему ее телу. Она почувствовала себя матерью. И как будто чудо произошло в тот момент: на мгновение молодость вернулась к ней.

И ответила она священнику:

— Нет, Отче, я сама ее воспитаю. Не могу доверить ребенка тому, кто никогда не имел детей. Я воспитаю ее в христианском духе, хотя я еврейка. Но для меня все люди равны. Ты знаешь, святой отец, я помогала многим в селе, многих лечила своими травами. Бог мне отплатит тем же. Я верю в Бога. Бог один.

С этими словами старая седая еврейка, нежно прижимая девочку к груди, вышла из церкви. А сгорбленные бабки, сидевшие на лавках, перешептывались и обсуждали только что произошедшее событие. Некоторые, сгорая от любопытства, старались приблизиться к Хане, желая увидеть ребенка. Но Хана закрыла Яринку ажурным покрывалом: она не хотела, чтобы недобрый взгляд нарушил сон малышки.

Дети

Яринка росла не по дням, а по часам. Здоровая, крепкая, она начала ходить в девять месяцев. Белокурая, с голубыми глазами, она резко отличалась от детей Миндли.

Черноволосая, кудрявая Роза частенько спрашивала Хану:

— Бабушка, а почему у Яринки белые волосы, а у меня черные?

И Хана, улыбаясь, отвечала, что Яринка славянского рода.

— А какого мы рода? — не унималась Роза.

— А мы — израильского. Все наши предки вышли из Израиля. И поэтому у нас черные волосы.

И Хана рассказывала детям об Израиле, о царе Соломоне и царе Давиде. А дети продолжали свои расспросы. И самый главный вопрос был, как они появились в Квасенине? Почему они не в Израиле? Почему Израиль называют Палестиной? Как это все случилось? На многие вопросы Хана не знала ответа. На другие — придумывала их, чтоб утолить детское любопытство.